

БЕЛАЯ ЗАВИСТЬ

Мудрость — это искусство смотреть в будущее. Ибо только мудрость побеждает судьбу.

Ювенал

Зависть, конечно, не от Бога. Но все-таки она существует. И от нее никуда не деться. Ибо хорошо известно, что только тот может считать себя свободным от зависти, кто никогда не изучал себя. Так считал один мудрец. Завидовать кому-либо — значит признать себя ниже его, — утверждал другой. Одни говорили, что зависть бывает обыкновенной. Другие — злобной. Одни жалеют завистников, считая их несчастными вдвойне, ибо те несчастны сначала своим несчастьем, потом — чужим счастьем; другие же жалеют завистников только потому, что те настолько слабы, что не могут переносить чужого счастья... Ее еще называют неизлечимой болезнью, от которой можно избавиться только выраженным чувством собственного достоинства и, конечно, умением победить самого себя.

Не надо полагать, что такая уж страшная вещь эта самая зависть. Она ведь может быть, как известно, белой, а не только черной. Доброй, а не только злобной. И еще: зависть бывает многоликой. Человеку она может явиться то змеей, то пчелой, которые из одного и того же цветка добывают и яд, и мед. Исаакяновский «Абу-Лала Мари» (знаменитый поэт Багдада) сказал более тысячи лет назад: «Никогда не завидуй избранникам благополучия. Жизнь их тоже смертельна». А английский философ и публицист Уильям Гэзлитт две сотни лет назад признался, что «белая зависть» помогала не только полководцам завоевывать страны, но и поэтам взбираться на Парнас, добавив при этом: «В зависти, среди прочего, заложена и любовь к справедливости».

Однажды я до боли прочувствовал жгучую справедливость этих слов на себе самом. Это было в январе 1985 года. Шло заседание пленума ЦК Компартии Армении. В президиуме, кроме секретарей ЦК и членов бюро ЦК, находились два ответственных работника ЦК КПСС. Как и все собственные корреспонденты союзных газет, я был приглашен на заседание.

Атмосфера в зале была накалена до предела. Обсуждался официальный документ — Постановление ЦК КПСС о ситуации в Армении, которую обвиняли в разного рода грехах, в том числе даже в... религиозности. Мол, «некоторые члены партии» посещают церкви, а иные даже венчаются в церкви.

От армянских коммунистов требовалась одна лишь мудрость. Это означало — не доводить дело до скандала, от которого были бы одни только хлопоты. В конце концов, что можно ожидать от «эпохи» Черненко, одной из самых посредственных и серых личностей советского периода. Это он подписал тот самый партийный документ. Но, тем не менее, многие из выступавших на пленуме, презрев традиционную демагогию, не желали сдерживать свои страсти. Однако до конца дней своих я запомню лишь моего друга, министра иностранных дел Армении, историка Джона Киракосяна. Честно говоря, я не помню ни одного слова, ни одной фразы, произнесенной Джоном. Я просто помню, как он говорил и о чем он говорил. Обычно, когда на партийных пленумах присутствовали гости из Москвы, практически все выступавшие говорили на русском. На сей раз многие изменили этому правилу. Было видно, как два переводчика, сидя за спинами ответственных работников ЦК, старательно переводили им.

Джон говорил на армянском. Говорил страстно. Такое создавалось впечатление, что он вот-вот бросит что-нибудь грубое, может даже нецензурное слово. Неожиданно он на мгновение замолк; резко повернулся к президиуму и громко сказал: «Вы неправильно переводите, я не так сказал, как вы изволите переводить». И тотчас же на чистейшем русском он слово в слово перевел себя самого. Еще некоторое время он говорил по-русски, четко подбирая нужные слова и термины. Потом вновь перешел на армянский. Там же я вспомнил, как Джон Саакович читал лекции в Ереванском государственном университете на историческом факультете и как однажды он пригласил меня на кафедру рассказать его студентам о моей поездке в Ливан, где в то время шла война и где армянская община оказалась между двух огней. Я написал книгу, которую так и назвал «Между двух огней». Предисловие к ней написал сам Джон Киракосян. Вот и пригласил меня на свою лекцию. После моего рассказа о поездке на Ближний Восток выступил Джон. Я видел перед собой лица студентов, и как замороженно смотрели юноши и девушки на Джона. Надо было слышать,

как говорил Джон. Еще несколько минут назад я, выступая перед этой же аудиторией, волновался и, казалось, не видел лиц слушателей. Но вот, вслушиваясь в речь Джона и вглядываясь в какие-то просветленные лица студентов, я вдруг понял не только важность всего того, о чем говорил лектор, но и удивительную красоту и сочность армянского языка. Я не чувствовал себя ущемленным или закомплексованным из-за того, что никогда, пожалуй, не сумею владеть армянским хорошо, ибо впервые прикоснулся к литературному языку моих предков, когда мне было уже за сорок лет. Я всего лишь поймал себя на том, что завидую Джону Киракосяну белой завистью. Завидую его богатому и сочному армянскому. Когда в тот памятный день на пленуме ЦК слушал его выступление, записал в блокноте: «Я завидую тем, кто блестяще владеет армянским». И это факт. В конце концов я же не мог позволить себе завидовать черной или злобной завистью моему другу. Помнится, как за месяц до своей гибели Аво (Монте Мелконян) сказал за столом в карабахском селе Гиши: «Придет время, когда поколения из будущего будут завидовать нам, в том числе и тем, кто пал на Арцахской земле».

Самое удивительное то, что и великий Уильям Сароян, который тоже, как и Аво, родился на чужбине, в городе Фресно (США), говорил нечто похожее. «Мой отец, Арменак Сароян, — сказал он, — часто повторял: блажен тот, кто умирает у себя на родине. При этом он непременно добавлял, что завидует тем, кто похоронен в Битлисе». От Сарояна я узнал, что и он сам страдает «милой завистью» по отношению к тем, кто блестяще владеет армянским.

Сегодня, слава Богу, вся Армения изучает без препятствий армянский, говорит на армянском, слушает армянский. Но вот, общаясь в войсковых частях с солдатами и в сельских школах с детьми, я обнаружил, что юное поколение, кроме как армянским, не владеет никаким другим. Многие, если не сказать большинство, не знают хотя бы разговорного русского. Всякие там «специализированные» школы с английским или русским уклоном ничего общего не имеют с народными массами. Это в основном дети или внуки элиты, к коей относится не только так называемая номенклатура, но и в первую голову мир бизнеса. Тут уже речь не пойдет о том, кто кому будет завидовать. Завидовать, будь то завистью черной или белой, злобной, или по-сарояновски «милой». Речь, по моему глубокому убеждению, пойдет о вопросах куда более сложных.

Не правда ли, странно, что чуть ли не у всех народов прижилась формула «Надо знать язык врага». Казалось, было бы вернее сказать иначе: «Надо знать язык друга». Еще совсем недавно на Ближнем Востоке, скажем, в Ливане или Сирии, наши соотечественники, чуть ли не все без исключения, свободно изъяснялись на трех-четырёх, а то и пяти-шести языках. В этой своеобразной арифметике была своя жизненная необходимость. Турецкий изучали не потому, что он был языком врага, а потому, что на нем говорили бабушки и дедушки — беженцы из Западной Армении; французский долгие десятилетия был государственным языком на Ближнем Востоке; без английского невозможно было заниматься бизнесом; арабский язык был приоритетным в школе, в быту и на работе; ну и, конечно, армянский.

До октябрьского переворота выпускники знаменитого Шущинского реального училища владели несколькими языками, в том числе и классическими — греческим и латинским. Будущий государственный деятель и ученый-историк Ашот Иоаннисян прямо из Шуши отправился в Германию, где он на немецком языке защитил диссертацию по философии в Мюнхенском университете. Читая его «Очерки истории армянской освободительной мысли», опять же завидуешь языку автора, невольно вспоминая о том, как обстояло дело с преподаванием языков у нас в школе. Так что многим из нас явно никто не завидовал.

Увы, и сегодня в незавидном положении оказалась наша молодежь. По крайней мере львиная ее доля, абсолютное большинство. Особенно сельское население. В пору моего детства только наши бабушки и дедушки не владели русским. Сегодня наоборот — внуки уже плохо говорят по-русски. Исключения подтверждают правило. Разумеется, очень даже хорошо, что многие родители стараются делать все возможное, чтобы их дети изучали английский. Владельцы магазинов в спешном порядке переписали названия своих торговых точек, полагая, что английские буквы принесут им больше прибыли. Не трудно догадаться, что, если так будет продолжаться, то лет через десять-двадцать «лингвистическая картина» Армении резко изменится. Разумеется, мы явно проиграем и отстанем от цивилизованного мира, если новое поколение не будет владеть английским языком тоже. Речь идет все о той же настоятельной необходимости, о которой говорилось выше. Никуда не денешься от суровых реалий жизни, от тотальной компьютери-

зации, от своеобразной эпидемии Интернета и всего такого прочего.

Жизнь показывает, а теория больших чисел доказывает, что сегодня все мировое полотно науки, техники и технологий будто соткано из «английских нитей». Обычно за основу оценок развития науки в той или иной стране берется не только число опубликованных научных работ, но и их цитируемость. США занимают первое место по числу научных статей — около трети всего мирового объема публикаций. Еще выше индекс цитируемости. С этим нельзя не считаться. Однако это вовсе не значит, что надо в одночасье, чуть ли не с закрытыми глазами, презрев национальные и стратегические интересы, традиции и историческую память, бросаться в другую крайность.

До недавнего времени армянская наука была интегрирована в науку СССР, который занимал третье место по числу научных публикаций. Напомним, что доля публикаций армянских ученых составляла девять процентов от общего числа населения СССР. Сегодня количество публикаций в России уменьшилось в результате резкого сокращения ассигнований на науку, и, тем не менее, она и сейчас входит в число лидеров. В мире из года в год растет число совместных публикаций различных стран. На первом месте США — 43 процента. В пятерку входит Россия — 25 процентов. В научном трактате читаю: «Россия отныне входит в десятку стран, с которыми США имеют наиболее сильные и тесные научные связи».

Весь мир хорошо знает, какое это дорогое удовольствие — переводить художественную литературу, научные монографии, статьи, очерки и особенно учебники. До сих пор армянские ученые, педагоги, студенты, аспиранты, деятели культуры и искусства, широкий круг читателей свободно пользовались специальной литературой, переведенной на русский, которым практически владел весь народ. Нынче, когда Россия, несмотря на скудный бюджет, сорок пять процентов переводов научных трудов осуществляет с английского и пятьдесят пять процентов — с других языков, мы спокойно смотрим на то, что подрастает поколение, которое уже, можно сказать, не владеет русским. Куда девалась наша хваленая мудрость?

Простит ли нам будущее то, что мы так беспечно теряем накопленное нашим народом богатство, каковым является рус-

ский язык? Ведь, хотим мы того или нет, сама жизнь заставит, потратив огромные силы и средства, а также бесценное время, вернуть это богатство.

Легендарный генерал Александр Лебедь, посетив войсковые части в Армении и Арцахе, со слезами на глазах признался: «Я завидую белой завистью, что у вас есть такая боеспособная и современная армия». Остается лишь напомнить, что армия наша, кроме всего прочего, вооружена исключительно русским оружием, в обновлении которого мы, увы и к счастью, долго еще будем нуждаться.